

ХОЗЯИН ХОЛОДА

Николай Полярный

18+

Николай Полярный

Хозяин холода

<https://litres.ru/74678562>

SelfPub; 2026

Аннотация

По бумагам в Кедовой Губе живут четыре человека. На самом деле - двое.

Фельдшер Сергей Аверьянов приехал на последнюю точку зимнего обхода и застрял: относный ветер угнал лёд, и три недели отсюда не выбраться. Хозяин зимовья, старик-промысловик, кормит его ухой, учит ходить на калгах и не умолкает ни на минуту. Даже ночью. Особенно ночью.

Правила здесь простые

Не свистеть в доме. Не считать добычу вслух. Не говорить «утонул», говорить «море взяло». Не отвечать, если ночью зовут знакомым голосом.

И главное: после заката в доме не замолкают. Потому что тот, кто спит подо льдом, слышит тишину.

Сергей записывает всё это в блокнот как этнографический материал - до того дня, когда с унесённой льдины возвращается человек. С тёплыми руками. И вода с него не капает.

Старик держит хозяина сонным сорок лет. Он стар, он устал, ему нужен тот, кто примет голос.

Три недели до вертолѣта. Двенадцать правил. Одно Сергей уже нарушил.

Промысловый быт, лексика и поверья поморов в книге - подлинныe.

Содержание

Глава 1. Кедовая Губа	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Николай Полярный

Хозяин холода

Глава 1. Кедовая Губа

Я расскажу всё по порядку, с самого начала, ничего не пропуская.

Время у меня есть. Времени у меня теперь сколько угодно. До Кедовой Губы оставалось километров двенадцать, когда я понял, что еду не туда.

Не в том смысле, что сбился с пути. Сбиться там нельзя: дорога одна, вдоль берега, между морем слева и чёрной стеной леса справа. В том смысле, в каком человек посреди дела вдруг понимает, что дело не стоило начинать.

Я остановил «Буран», заглушил двигатель и снял шлем. Тишина упала сразу. Так падает занавес — как будто её всё это время держали надо мной и ждали удобной минуты. Ни ветра, ни птицы, ни треска. Только в ушах после двух часов хода ещё шумело железом, и этот шум медленно вытекал, оставляя после себя пустоту, у которой, как мне тогда показалось, был свой собственный звук. Ровный и очень низкий, на самой границе слышимого.

Я посмотрел на море.

Лёд уходил от берега далеко, до горизонта. Он был не бе-

лым, как пишут в книгах, а серым, в синих тенях, с торосами, похожими издали на стадо, которое легло и замёрзло. Небо над ним стояло того же цвета, и граница читалась плохо. Если смотреть долго, начинало казаться, что это одна сплошная пустая поверхность, поставленная вертикально, и я еду вдоль неё — маленький и видимый со всех сторон.

Я налил полкрышки чая из термоса и выпил. Чай был чуть тёплый.

Половина четвёртого. Солнце уже легло на горизонт и лежало там плоско, без лучей, похожее на жёлтое пятно под слоем воды. Через сорок минут должно было стемнеть.

Я достал из нагрудного кармана маршрутный лист — сложенный вчетверо, с печатью, распечатанный в районной больнице на принтере, у которого заканчивался тонер, так что нижние строчки выходили бледными. Шестая, последняя точка обхода.

Кедовая Губа — 4 чел.

Ниже, от руки, бухгалтерским почерком Нины Петровны: *Пахтусов Ф. Л., 1956 г. р. — гипертония, набл. Остальные — по факту.*

«По факту» означало: приедешь, посмотришь, перепишешь. За восемь месяцев работы фельдшером выездного обхода я усвоил, что бумага и жизнь на этом берегу расходятся спокойно, без всякого скандала. Просто потому, что бумагу пишут в одном месте, а живут в другом.

В Пялице по спискам числилось девятнадцать человек,

жило одиннадцать. В Чаваньге — сорок два и двадцать шесть. Люди уезжали к детям в Умбу и Кандалакшу, умирали, пропадали с учёта, и никто не спешил вычёркивать: вдруг вернуться.

Четыре на последней точке. Значит, будет двое. Или один.

Я сложил лист, убрал его в карман, надел шлем и дёрнул стартер.

Вот с этого места, если угодно, всё и началось. Хотя тогда мне так не казалось.

Кедовая Губа открылась внезапно, как открываются все становища на этом берегу. Только что были лес и наст — и вот берег заворачивает, и в излучине лежат дома.

Их было одиннадцать. Я сосчитал на ходу, по привычке, которая въелась за восемь месяцев: сначала считаешь дома, потом трубы, потом окна. Дома стояли вдоль берега в одну линию, серые от времени, вросшие в снег по нижние венцы. У двух провалились крыши. У одного не было двери — чёрный прямоугольник, и внутри сугроб, наметённый аккуратной горкой, будто туда специально носили снег.

Труба дымила одна.

Окно светилось тоже одно. Жёлтое, маленькое, в третьем доме с краю, и свет в нём был живой, керосиновый или от печи: он чуть менялся, то притухая, то разгораясь.

Я подъехал ближе и сбросил газ.

От дома к берегу шли следы.

Я много раз потом возвращался к этой минуте и пере-

бирал её, как перебирают карман, в котором что-то лежало и пропало. В ту минуту я не почувствовал ровным счётом ничего. Усталость, холод в коленях, желание войти в тепло. Следы и следы.

Цепочка глубоких ямок в насте, от крыльца вниз, к морю, и дальше на лёд, куда достаёт взгляд.

И ни одной цепочки обратно.

Объяснение у меня нашлось мгновенно, само, без всякого усилия: человек ушёл на лёд и ещё не вернулся. Я так и подумал — ушёл и не вернулся, — и мысль прошла насквозь, ничего не задев.

Я заглушил «Буран» у крыльца.

Дверь открылась раньше, чем я успел постучать.

В проёме стоял старик. Невысокий, широкий, в вязаном свитере поверх тельняшки, в валенках с обрезанными голенищами. Лицо тёмное, в той особой северной выделке, когда кожа становится похожа на дублёную, а глаза в ней остаются светлыми и молодыми. Борода короткая, седая, желтоватая у рта.

Он посмотрел на меня без всякого удивления.

— Долго ты, — сказал он.

— Здравствуйте. Я фельдшер, из района. Аверьянов Сергей Витальевич. У вас тут по спискам...

— Знаю, кто ты. — Он отступил в сторону. — Заходи, заходи, не держи дверь. Тепло выпускаешь, а его не напасёшься. Пахтусов Фёдор Лукич, можно Лукич, меня тут все так,

да некому стало. Сапоги скидывай, у печи поставь, валенки дам.

Я вошёл, нагнувшись под низкой притолокой, и он продолжал говорить мне в спину, помогая стянуть рюкзак и не прерываясь ни на секунду:

— Ты с утра шёл? С Чапомы? Дак это ты хорошо прошёл, другие дольше идут. Там после ручья наддув такой, что буран садится, ежели не знаешь. А ты, видать, знал. Или свезло. Свезло — тоже дело, его не отменишь. Вот у меня был случай в шестьдесят девятом. Поехал Степан в метель, и не было его четыре дня, а на пятый пришёл. Сам пришёл, а конь не пришёл. Потому как конь — скотина честная, он в метель не идёт. А человек идёт. Человек упрямый. В этом вся и разница между человеком и честной скотиной.

Сени были холодные, тёмные, пахли смолой, рыбой и ещё чем-то кислым. Дальше шла вторая дверь, обитая войлоком, и за ней стояло настоящее тепло — такое плотное, что я на секунду задохнулся.

Изба оказалась маленькой и жилой. Русская печь занимала треть. Лавки, дощатый стол, керосиновая лампа под потолком рядом с электрической лампочкой, которая не горела. В углу две иконы, тёмные до черноты, и лампадка. У окна на верёвке сушились портянки и кусок сети.

На стене висела фотография в рамке. Чёрно-белая, увеличенная до размытости: люди в ватниках стоят в ряд на льду, шуряются на солнце. Я мельком отметил, что их много, чело-

век девять или десять, и что все они молодые.

— Садись, — сказал Лукич. — Уха есть. Хлеб вчерашний, но хлеб хороший, сам пеку. В магазинном одна вода да дрожжи, от него изжога и грусть. Ты уху ешь? Все едят. Её не есть нельзя, это ж не еда, это тепло внутри. Наливаю, а ты не отказывайся, а то обижусь. Я обижаюсь редко, но долго.

Он говорил, пока шёл к печи. Говорил, доставая чугунок. Говорил, наливая, ставя миску, садясь напротив.

Он не делал пауз даже там, где человек обычно делает вдох. Научился как-то вдыхать внутри фразы, и речь шла без швов, ровная, как вода из крана.

Я ел уху — горячую, жирную, с пшеном и лавровым листом — и слушал вполуха, кивая в нужных местах.

Старик, думал я. Один на одиннадцать домов. Говорит без остановки, потому что три месяца не с кем было, и теперь выговаривается за всё разом. Это нормально. Это даже хорошо: у таких обычно и давление, и сердце, а на жалобы они скупы. Пока он говорит, можно многое понять без расспросов.

Профессиональная часть меня спокойно вела свой список. Одышки нет. Цвет лица нормальный. Сидит прямо, руки не дрожат. Для семидесяти — отлично.

— Фёдор Лукич, — сказал я, когда он на секунду потянулся за хлебом. — Я вам потом давление померяю, хорошо? И вот ещё. У меня по спискам тут четыре человека. Кто ещё в Губе живёт?

Он положил хлеб.

Пауза была короткая, на один удар сердца. Я почувствовал её так же, как чувствуют, когда в ровно работающем моторе один раз пропускает цилиндр.

— Алька живёт, — сказал он. — Внучка. Одиннадцать лет. Она сейчас у себя, книжку читает. Придёт ещё, познакомишься.

— Так. А ещё двое?

— А ещё двое... — Он взял хлеб обратно, аккуратно, двумя пальцами. — Сергей Витальевич, ты уху-то ешь, стынет. Я тебе про Степана не дорассказал. Он ведь вернулся через четыре дня, а коня нет. И вот сидит он на берегу...

Речь пошла дальше, ровная и гладкая, и обогнула мой вопрос так, как вода обходит камень.

Через минуту я поймал себя на том, что уже не помню, о чём спрашивал.

Это я тоже потом вспоминал часто.

Я посмотрел в чёрное окно.

За стеклом было белое поле, серый лёд, где-то в двенадцати километрах Чапома — и больше ничего до самого полюса.

Я достал телефон. Связи не было, и я знал, что её тут не будет, доставал по привычке.

— Фёдор Лукич, у вас спутниковый есть? Мне надо в район отзвониться, что я на точке.

— Есть, как не быть. Утром отзовишься.

— Лучше сейчас.

— Сейчас не выйдет, — сказал он просто. — Он на зарядке, а генератор я с утра не гонял, солярку берегу. Утром, Сергей Витальевич. Всё утром. Ночь на то и ночь, чтоб её пересидеть.

Он сказал это легко, тем же тоном, что и всё остальное. И я не сразу понял, что именно меня зацепило.

Пересидеть.

— Я завтра к обеду выйду, — сказал я. — Переночую и пойду обратно на Чапому.

Он посмотрел на меня светлыми молодыми глазами.

— Не выйдешь.

— Почему?

— Ветер зайдёт. — Он кивнул на окно, за которым ничего не менялось. — К ночи задует с запада. Относный. Лёд угонит, припай оторвёт, и три недели тут будет такая каша, что ни ты по ней, ни по тебе. Так что живи. Места хватит.

Я посмотрел в окно ещё раз.

Ни одна ветка не шевелилась. Дым из нашей трубы шёл вверх ровным столбом — я видел его с берега полчаса назад.

— Прогноз обещал штиль четыре дня, — сказал я.

— Прогноз, — согласился Лукич. — Ну дак прогноз в Мурманске пишут, а ветер тут дует. Ешь, не стынь.

Он помолчал — редкий случай — и добавил:

— И вот ещё что, Сергей Витальевич. Раз уж ты у меня ночуешь, запомни две вещи. Они простые.

— Какие?

— В доме не свисти. Никогда, ни днём, ни ночью. Это первое.

— Примета? — Я улыбнулся.

Отмечу честно, потому что обещал ничего не пропускать: в ту секунду я испытал удовольствие. Этнография, Терский берег, промысловые запреты — живой материал, который сам пришёл в руки. Я подумал, что надо будет записать.

— Примета, — кивнул он. — А второе такое.

Он наклонился чуть вперёд, и свет лампы лёг ему на лицо снизу. Стало видно, какая у него тонкая, сухая кожа на скулах.

— Я ночью говорить буду. Много. Может, тебе покажется, что я умом тронулся. Ты не слушай, коли не хочешь, спи себе. Но если я тебя среди ночи спрошу что — ты ответь.

— Что спросите?

— Услышишь — поймёшь, — сказал Лукич. — Ты ответь, и всё. Это недорого стоит.

Он выпрямился, и лицо снова стало обычным — доброе, морщинистое лицо старика, у которого давно не было гостей.

— Ну вот и договорились, — сказал он весело. — А теперь я тебе про Степана дорасскажу. Ты ж главного не знаешь. Главное-то всегда в конце.

Он налил себе чаю и начал говорить.

Он говорил, пока я доедал уху. Говорил, пока я мыл миску в тазу. Говорил, пока я раскладывал спальник на лавке у печи и доставал тонометр, чтобы всё-таки померить ему давление.

Сто сорок на девяносто. Для семидесяти нормально.

Он говорил, когда я лёг.

Уже засыпая, сквозь тёплую тяжесть в голове, я попробовал посчитать, сколько времени старик не умолкает. Вышло, что часа три.

— Фёдор Лукич, — пробормотал я в полусне. — Вы давно так? Говорите.

Он ответил из темноты, не прерывая рассказа, вплетя ответ внутрь, как вплетают нитку другого цвета:

— Третий день. Как узнал, что ты едешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.